

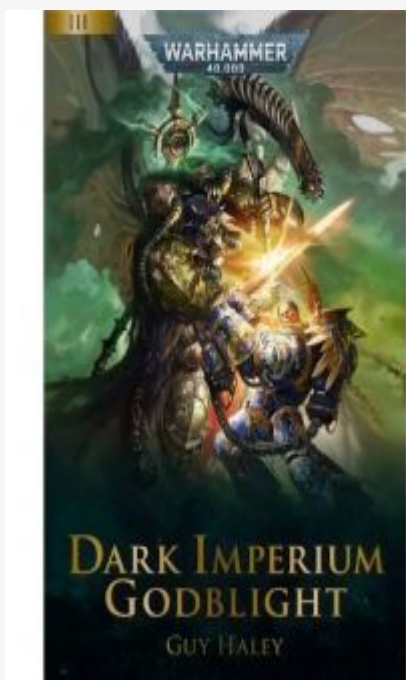
Тёмный Имперium: Божья болезнь / Dark Imperium: Godblight (роман)



Перевод в процессе: 4/43

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 4 части из 43.

Тёмный Имперium: Божья болезнь / Dark Imperium: Godblight (роман)



Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Хелбрехт
Издательство	Black Library
Серия книг	Тёмный Имперium / Dark Imperium
Предыдущая книга	Тёмный Имперium: Чумная война / Dark Imperium: Plague War
Год издания	2021
Экспортировать	PDF, EPUB



Содержание

Первая глава

Вторая глава

Третья глава

Четвёртая глава

Первая глава

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Давление с хлопком выровнялось и штурмовые рампы “Властелина” с лязгом опустились на палубу Палатинского ангара. Пандусы были зафиксированы в боевом положении – жёсткое падение, никаких амортизаторов – не самый лучший выбор, когда посещаешь последнего верного примарха, но тетрарх Децим Андродин Феликс не был в настроении для тонкостей.

Феликс вышел из боевого корабля первым, за ним по пятам следовали Избранные Веспатора. Это были его телохранители, десять космических десантников в доспехах различных цветов, по одному от каждого Ордена Щитов Ультрамара. Они представляли собой пёструю толпу, бросающую вызов некоторым чувствам, объединённые только украшавшим их левые наплечники золотым символом тетрарха. Их ботинки громко звенели, когда они рассредоточились, держа оружие наготове. Даже на борту флагмана примарха они осматривались в поисках угрозы. Каждый из них был повелителем битвы, и они не могли легко избавиться от военных привычек.

Феликса ожидала небольшая делегация немодифицированных людей. Из-за знамён и паривших сервошлемов им навстречу поспешил камерарий. Каким бы маленьким и слабым ни казался этот человек, он смело встал на пути гигантов Ультрамара, заставив их остановиться.

– Милорд Феликс, добро пожаловать обратно на *“Честь Макрагга”*. – Камерарий изобразил быстрый, но безупречный поклон. – Позвольте мне направить вас в покои, которые приготовил для вас примарх, где вы можете освежиться. – Чиновник окинул критическим взглядом повреждения, покрывавшие боевые доспехи каждого космического десантника. – И, возможно, привести себя в порядок?

Суетливое заявление суетливого маленького человечка. Феликс не собирался рычать, но раздражённый звук всё же вырвался из вокс-передатчик его шлема:

– В этом нет необходимости. У меня срочное дело. Я встречу с примархом прямо сейчас.

– Он просит вас немного подождать – он знает о ваших усилиях в Альвейро и очень рад, что вы пришли к нему, но просит вас дождаться его вызова для надлежащей аудиенции.

– Прямо сейчас, – твёрдо сказал Феликс. – Я командующий Восточной четверти Ультрамара. Моё дело не может ждать.

– Милорд... – начал человек, но Феликс перебил его.

– Вы сказали, что он просит.

– Да, милорд, – согласился камерарий.

– Тогда скажите, велел ли имперский регент проследовать мне в мои покои? – спросил Феликс. – Вы

озвучиваете мне приказы или предложения?

Чиновник колебался:

- Ваш комфорт и благополучие всегда на первом месте в мыслях имперского регента...

- Не приказы, - сказал сержант Комин, командир гвардии Феликса, чьи доспехи были красно-белыми, как у Сынов Орара. - Я правильно вас понял, камерарий?

Спокойствие мужчины не изменилось.

- Не приказы, - признался он.

- Тогда отведите меня к нему. Прямо сейчас. - Феликс наклонился вперёд, вес брони и генетически сконструированной плоти с холодным стеклом вместо глаз. Суставы доспехов "Гравис" угрожающе заурчали. От него по-прежнему пахло войной, кровью, маслом и огнём. Мало кто из людей устоит перед чем-то подобным.

У камерария было железное сердце, и поэтому даже подчинился он с изяществом. Он снова поклонился, на этот раз ещё медленнее, и отступил в сторону.

- Я провожу вас, милорд. Я...

- Не беспокойтесь, камерарий, я знаю дорогу.

- Тогда я пошлю впереди вас герольдов, чтобы объявить о вашем прибытии.

- Если вы настаиваете, - сказал Феликс. - Если они не отстанут.

К этому времени он уже двигался.

Герольды бежали в ногу с космическими десантниками, упрямо выкрикивая имя и звания тетрарха в каждом зале и коридоре, пока они поднимались из Палатинского ангара в Дворцовый шпиль, личные владения Робаута Жиллимана.

Прошло несколько месяцев после Освобождения Пармениона и битвы при Гекатоне. Флот-примус добился больших успехов в изгнании сил Мортариона из Ультрамара, но оставалась одна решающая кампания. Садовый мир Иакс, эпицентр порчи, по-прежнему находился в руках врага. Феликса не отозвали для участия во вторжении, но, хотя данное обстоятельство могло бы объяснить его ярость, не это являлось причиной. Феликс злился по более тёмной причине.

- Дорогу Дециму Феликсу! Дорогу тетрарху Веспатора, повелителю Восточных марок! - на одном дыхании кричали герольды. Их объявления вызвали некоторое замешательство, поскольку в коридорах царило оживлённое движение, и Избранные двигались так же легко, как бык-грокс, их шаги гремели по "Чести Макрагга", словно артиллерийская канонада. По привычке Жиллиман держал дворец пустым, когда мог; даже такому необычному существу, как примарх, требовалось личное пространство, как и любому человеку. Но сейчас, во время визита Феликса, дворец был полон спешивших писцов и властителей. Мужчины и женщины, с которыми сталкивались Избранные, похоже, не привыкли к космическим десантникам и спешили уйти с их пути, несмотря на свои высокие звания. Все они были лордами и леди какой-либо адепты, потому что к этому времени Феликс и его спутники находились уже глубоко в шпиле, куда заходили только возвышенные и их слуги.

- Мне кажется, - обратился Комин к Феликсу по воксу, - или это место заражено бюрократами?

- "Заражено" - не то слово, которое я использовал бы для таких ценных имперских слуг, - сухо ответил Феликс. - Но, по сути, твоё наблюдение верно. Это не единственная война примарха. За пределами Пятисот Миров продолжается Индомитский крестовый поход. Он скоро завершит дела в Ультрамаре. Он готовится двигаться дальше, как только будет нанесён последний удар по Иаксу.

Они направились прямо в личный скрипторий примарха, из долгого общения с Жиллиманом Феликс знал, что это его любимое место. Герольды, очевидно, тоже ожидали, что имперский регент будет внутри, и не возражали, но расспрос историторов показал, что примарх находится в другом месте, и они были перенаправлены дальше вверх, в Палату Империи.

Они поднялись на лифтах на вершину Дворцового шпиля Жиллимана. Здесь располагался купол из бронестекла, место встречи по самым важным вопросам. Феликс хорошо это знал.

Он повёл своих людей по сводчатому коридору, украшенному и высокому, как неф собора. Когда они приблизились к большим дверям в палату Империи, двадцать воинов Виктрикс Гвардии Жиллимана вышли из помещений по обе стороны и встали перед воротами, образовав идеальный полукруг, и остановили продвижение Феликса. Они топнули один раз, опустили щиты, а затем с лязгом соединили их вместе, представив тетрарху украшенную черепами и крыльями синюю стену из керамики. В центре они оставили брешь, достаточно широкую, чтобы мог пройти один космический десантник, и через неё шагнул Сикарий, некогда капитан второй роты Ультрадесанта, а теперь командир личной гвардии Жиллимана. Он вышел без шлема и остановился перед Феликсом.

- Приветствую, тетрарх Феликс, - сказал Сикарий, слегка склонив голову. Он сжимал рукоять меча. Его рука никогда не отходила далеко от оружия, либо лежала на навершии, либо играла с украшением. Сикарию никогда не нравилось держать клинок в ножнах, и, похоже, эта привычка только усилилась после возвращения из варпа. - Чем мы обязаны вашему присутствию?

- Я думаю, вы знаете чем.

Сикарий внимательно посмотрел на Феликса:

- Знаю, тетрарх? Просветите меня.

Феликс посмотрел на него сверху вниз. Сикарий был необычен для столь высокопоставленного космического десантника тем, что пока не пересёк Рубикон Примарис. Он был старше Феликса, по крайней мере, с точки зрения активной службы, хотя, если считать даты рождения, у Феликса было больше лет, чем почти у каждого живого человека.

- Примарх. У него мой пленник. Пропустите меня.

- У него, - согласился Сикарий, но не отступил. Избранные Веспатора и Виктрикс Гвардия смотрели друг на друга. В воздухе повисло напряжение. Куда бы ни направлялись Адептус Астартес, насилие всегда сопровождало их. Между ними не было ненависти, зато присутствовало агрессивное любопытство. Обе группы хотели испытать себя друг против друга.

Феликс посмотрел вверх более низкого воина на двери палаты:

- Регент ждал меня?

Сикарий склонил голову:

- А как вы думаете, брат? Он – примарх.
- Тогда он предвидит каждый мой поступок.
- Это не ваш недостаток, уверяю вас, – сказал Сикарий.
- Он когда-нибудь заставлял вас чувствовать себя дураком, капитан? – спросил Феликс.

Сикарий фыркнул:

- По сравнению с ним, тетрарх, мы все дураки. Иногда я удивляюсь, как он нас терпит. Мы должны казаться ему такими ограниченными.

Феликс протянул руку и расстегнул зажимы шлема, снял его и вытащил из-под капюшона “Трависа”. Его лицо было шершавым от высохшего пота. Он не снимал броню уже несколько дней. Он намеревался помыться до прибытия, поскольку по стандартным меркам Альвейро находился в шести днях пути от Иакса, но варп был непредсказуем вдали от успокаивающего присутствия примарха во время штормов, и путешествие завершилось за считанные минуты.

Возможно, судьба. Феликс ожидал, что приедет, когда уже всё закончится, чтобы выплеснуть ярость после этого факта. Он не был готов к тому, что происходило сейчас. Он подозревал руку ухмылявшихся богов в ходе событий, подталкивавших его и его господина к конфликту.

- Никогда не сомневайтесь в нём, – сказал Сикарий. – Я думал, что вы достаточно долго были его советником, чтобы знать это.

- Был. Но это работает и против меня, потому что я иногда забываю, что он не человек.

Суровое лицо Сикария не изменилось:

- Как и мы.

- Он собирается допросить моего пленника. Таково его намерение, не так ли?

- Это ему решать, брат, – ответил Сикарий. Он посмотрел на Избранных, они не подняли оружие, но и не держали в покое. – Пусть ваши люди уйдут. Они могут подождать в передней по левому борту. Там достаточно для них места. Похоже, у вас есть несколько опытных воинов. Мы должны испытать себя и наших людей друг против друга. Вы завоевали высокую репутацию.

На лице Сикария не было ни намёка на улыбку, когда он делал предложение. Оно не было продолжением братства, а исходило из желания проявить себя против каждого встречного.

Феликс проигнорировал приглашение.

- Значит вы собираетесь пропустить меня к нему? – Ещё одна неожиданная возможность. Он думал, что ему придётся воспользоваться своей властью, поскольку он был старше Сикария по званию. Даже сражаться. Он был готов.

Сикарий был гораздо более флегматичен и пожал плечами. Его доспехи заурчали, когда наплечники сдвинулись с места.

- Я не позволю вам ничего сделать, тетрарх. Вас принимают по прямому приказу примарха. – Измученное битвой лицо Сикария стало менее суровым; в уголках глаз даже появился намёк на улыбку.

- Вы были правы. Он ждал вас.

Двери палаты Империи широко распахнулись в темноту. Люменов не было, но ставни были открыты, впуская бледный свет звёзд из высоких окон в стенах. Как и купол над головой, почти все стены были из бронестекла, и их было достаточно много, чтобы предоставить практически полный обзор корабля, от его гигантского похожего на плуг тарана до внешних краёв двигателя размером с город. Феликс остановился, на мгновение опешив. Не существовало лучшего способа увидеть *"Честь Макрагга"*, один из последних оставшихся в галактике линейных кораблей типа Глориана, чем увидеть его из палаты Империи, и он был покорён его величием. Флагман примарха был настолько огромным, что не поддавался описанию. Его окружало множество более массовых кораблей, ядро ударной группы Альфа, главный законечник копьё флота Индомитского крестового похода. Но эти другие, хотя и огромные сами по себе, являлись всего лишь осколками металла в сравнении с *"Честью Макрагга"*. Не осталось людей, которые могли бы построить что-то подобное. Наука была утрачена. Воли не хватало. *"Честь Макрагга"* представляла собой пережиток лучших времён, чудовищное оружие из более возвышенной эпохи, и в этом она ничем не отличалась от своего хозяина.

Робаут Жиллиман находился в дальнем конце зала, рядом с приподнятым партером, где заседали члены совета Экстерра. В этот момент никто не присутствовал, и помещение было совершенно пустым, если не считать примарха, отчего оно казалось ещё больше, несмотря на все кресла и троны, которые занимали пол.

Жиллиман стоял одинокой фигурой на фоне звёзд и кораблей. Примарх не смотрел на них, перед ним было гололитическое световое плетение, изображавшее планету, и именно ему он уделил всё своё внимание. Гололит освещал его лицо тусклым светом, придавая пепельный оттенок. Даже с дальнего конца зала Феликс узнал Иакс. Характерные особенности поражённой болезнями Нургла планеты были ясно различимыми и, казалось, заражали примарха самым своим отражением.

Уже не в первый раз Феликс подумал, что Робаут Жиллиман выглядит уставшим.

Жиллиман отвернулся от изображения. Тень поймала его взгляд.

- Децим, - произнёс Жиллиман. Имя Феликса эхом разнеслось по палате Империи, словно ища, где бы поселиться. Оно не нашло новый дом и тихо умерло, затерявшись под высокой вершиной купола.

- Рад тебя видеть, - искренне продолжил он.

Феликс подошёл к своему лорду. В теле Феликса было множество дополнительных органов и спирали дополнительных нитей генетического кода, все взятые у примарха. Жиллиман на самом деле не был его отцом, но Жиллиман был самым близким родственником для Феликса. Их кровь была смешанной.

Феликс с трудом опустился на колени, тяжёлые доспехи мешали ему двигаться, и склонил голову. Он ждал, пока Жиллиман заговорит. Когда он этого не сделал, вместо него заговорил Феликс.

- Вы не сердитесь, что я пришёл? - тихо спросил он, ожидая упрёка.

- А должен? - мягко ответил вопросом на вопрос Жиллиман.

- Я пришёл посоветовать вам не делать то, что, по моему мнению, вы собираетесь сделать.

Улыбка Жиллимана была слышна в его голосе:

- Ты настолько не одобряешь мои действия, что не хочешь уточнять их? Откуда мне знать, что мы с

тобой имеем в виду одно и то же?

- То, что вы задумали, не следует называть, - сказал Феликс.

- Возможно, - произнёс Жиллиман. - Но ты не должен соглашаться со всем, что я делаю, сын мой. Ты выполняешь свой долг так, как считаешь нужным. Ты не бездумный человек, ты не боишься бросить мне вызов. Из-за этого я сделал тебя тетрархом. В любом случае, я рад, что ты пришёл.

- А если бы я вместо этого остался на Альвейро?

- Тогда я тоже был бы доволен, - сказал Жиллиман. - Но ты здесь. У тебя хорошие инстинкты. То, что мы собираемся предпринять, - это риск. Ты видишь это. Ты пришёл предупредить меня. Добрые намерения не должны наказываться.

Феликс поднял голову. Он был озадачен. Не важно, как сильно он считал, что понимает примарха, он осознал, что никогда не поймёт. Если бы кто-то из людей Феликса повёл себя так же, как он, Феликс без колебаний наказал бы их. Часто Феликсу казалось, что он оставил человечность позади, но Жиллиман никогда по-настоящему и не был человеком.

- Вы собираетесь допросить его. Вот почему вы вызвали его, вместо того чтобы позволить мне уничтожить, когда оно было найдено. Я прав?

Жиллиман не ответил, но посмотрел на него сверху вниз, впервые уделив ему всё своё внимание. Феликс чувствовал, как его взгляд давит на душу.

- Нет необходимости опускаться на колени, Децим. Пожалуйста, встань.

Феликс поднялся. Малейшие шумы в зале становились громче. Его акустика была совершенной, рассчитанной на то, чтобы усиливать самый пронзительный голос самого древнего мудреца, и она придавала звукам его доспехов, даже шуршанию его плаща по мозаичному полу, повышенную напыщенность.

- Вот так-то лучше, - сказал Жиллиман. Он сжал кулак в центре гололита, отключая его. Примарх оглядел Феликса с ног до головы и одобрил то, что он увидел.

- Ты выглядишь хорошо. Сильный. Должность тебе подходит, сын мой, - сказал он. - Как тебе нравятся твои новые владения?

Феликс по-прежнему был зол и не мог полностью скрыть это в своём ответе, поэтому его слова прозвучали излишне лаконично:

- Я пробыл на Веспаторе ровно двадцать три часа, прежде чем двинулся дальше, чтобы продолжить осмотр провинции, милорд. Я не могу сказать точно после столь непродолжительного визита, но он кажется вполне хорошо защищённым.

Жиллиман снова улыбнулся. У него была грустная улыбка, полная понимающей боли. Его меланхолия погасила горевший в сердце Феликса огонь.

- Я имел в виду людей, Феликс, я имел в виду планету.

- Оба кажутся вполне хорошими, - ответил Феликс, теперь уже не так сердито. - Но ни первое ни второе не будут ничего значить, если их нельзя защитить. Всё ваше королевство под угрозой. Орды Мортариона

- не единственная опасность.

Жиллиман кивнул. Он отвлекся. Бегущие огни космических кораблей рядом с *“Честью Макрагга”* наполнили его глаза звёздами:

- А как насчёт остальной части Восточной четверти? Сможешь ли ты взять её под наш контроль?

- Могу я говорить честно?

- Разве я когда-нибудь просил тебя поступить иначе?

- Это полный бардак, - сказал Феликс, и, вспомнив своё путешествие по мирам, за управление которыми он отвечал, почувствовал бремя примарха. - Почти на всех планетах царит беспорядок. Армии Мортариона не причинили большого прямого вреда востоку, но Сотарианская лига сильно пострадала от тиранидов и набегов орков, а недавно и некронов. Человеческие пираты также являются проблемой. Но флоты-ульи - хуже всего. По крайней мере, дюжина обитаемых миров была очищена до скальных пород. Я не знаю, сколько неизвестных планет постигла та же участь. Но мало нам одной хищности ксеносов - годы коррупции опустошили старую лигу. Я не был ни на одной планете, где оборона или любой другой актив, не важно военный или иной, соответствовали записям. Десятина фальсифицирована. Значительная часть финансов сектора растрочена. Многое было украдено, иногда открыто. Они не боятся имперской власти, но будут бояться. Я начал расследование. Мне помогают агенты ордо Еретикус и Адептус Арбитрес. Будут казни. Великое множество.

Лицо Жиллимана оставалось непроницаемым, что побудило Феликса извиниться:

- Простите, милорд, у меня нет времени на нежности. Требовалось преподать урок.

Примарх покачал головой.

- Нет, нет, ты прав, лига была худшей из всех политических систем, - сказал Жиллиман. - Достаточно централизованной власти, чтобы поощрить элиту, но недостаточно, чтобы держать её под контролем. Беспрепятственный поток монет усиливает жадность. Это потворствует стяжательству, в то же время позволяя уклоняться от ответственности, и поэтому страдают слабые. Это должно быть исправлено с максимальным предубеждением. И снова передо мной встают мои ошибки. Я ещё раз повторяю, что Ультрамар никогда не должен был быть разделён.

- Всё изменится, - сказал Феликс. - Сотарианской лиги больше нет. Население найдёт прямое правление Ультрамара более справедливым решением. - Он ненадолго замолчал. - Мне интересно, о чём думали Косы Императора, настолько всё запустив.

- У них были свои войны, - сказал Жиллиман, - и они дорого платили за выполнение своих обязанностей. Не их дело вмешиваться в гражданское управление. Это тоже изменится.

Феликс не мог не согласиться. Тираниды опустошили Соту, столицу лиги и родной мир Кос Императора, и почти уничтожили Кос в процессе. Он обменялся несколькими сообщениями с поредевшим орденом, продолжая переговоры о предоставлении им подкрепления из примарисов, чтобы восстановить полную численность, но они были разрушенным братством, и стыд сочился из каждого сообщения, которое они ему посылали.

- Из хорошего стоит отметить, что люди были рады нас видеть, - сказал Феликс. - Мы не встретим большого сопротивления восстановлению прямого правления, если правящие классы знают, что для них

хорошо.

- Исходя из твоего опыта, люди часто знают, что для них хорошо? - спросил Жиллиман.

Феликс ответил не сразу:

- По правде говоря, я не знаю. Я был ещё мальчиком, когда меня забрали агенты Коула. Я был активен всего дюжину лет с момента пробуждения из анабиоза, и за это время я не знал ничего, кроме войны. Вы сказали мне, что я сохранил большую часть своей человечности, в отличие от многих перворождённых братьев-примарис, но мне пришлось принять это на веру. Я не знаю людей, милорд. Поэтому как я могу ответить на ваш вопрос?

- Ты ошибаешься, Децим, ты знаешь людей. У тебя есть способность к сопереживанию. Что говорит твой инстинкт?

- Что-то мне подсказывает, что люди не знают, что для них хорошо. - Он заколебался.

- И?

- Как индивидуумы люди - разумные существа, но как группа они - животные, а животным нужна твёрдая рука.

- Я понял, - сказал Жиллиман, и между этими двумя словами было место для океана разочарования.

- Философия не важна, - поспешно сказал Феликс. - Важно действие. У меня не было особых проблем с имперскими губернаторами, и если кто-то выступит против нас, народ готов восстать. С них хватит человеческой жадности и ужаса ксеносов.

- Тогда я верю, что ты исправишь это для меня, сын мой, - сказал Жиллиман. Он посмотрел в окно. - Эта война никогда не закончится. Мы можем бороться только за краткие моменты мира. Как только Мортарион будет изгнан, появятся другие враги. Тираниды, некроны, т'ау. Я должен оставить тебя и остальных разбираться с ними здесь. Мне нужно спасти галактику.

Примарх казался необычайно встревоженным. Он смотрел в никуда, затем, казалось, пришёл в себя.

- Ультрамар почти наш, - быстро продолжил Жиллиман. - С большим опозданием. Эта война стала опасным отвлечением от Индомитского крестового похода, и несмотря на мои усилия избавить большинство его активов от обязанностей здесь, и опираться на силы, собранные из окружающих секторов, несколько боевых групп флота-примус по-прежнему заняты в Ультрамаре, хотя могли бы освободить другие миры.

- Это одна общая битва, - сказал Феликс. - Хаос должен быть побеждён, где бы он ни находился. Это важная зона военных действий.

- Важная, - согласился Жиллиман. - Ультрамар важен по многим причинам. Но мы должны принимать во внимание политику, а политика не говорит на одном языке с логикой. Есть те, кто использует моё желание спасти Ультрамар как оружие против меня, называя это признаком фаворитизма для моего собственного народа. Терра по-прежнему кипит от недовольства. Агенты врага повсюду. Жадность человечества не ограничивается мёртвой лигой Соты, но встречается везде, куда идёт человечество. Алчность затуманивает зрение людей, она делает их слепыми ко всему, кроме краткосрочной перспективы и собственной выгоды.

- Совет Экстерра делает всё возможное, чтобы опровергнуть эти утверждения, но его члены не являются верховными лордами, и даже само его существование - всего лишь очередной факт, используемый для доказательства моего желания стать Императором. Политики в Императорском дворце называют их собачками на побегушках. На Терре произошло восстание, пока мы сражаемся за выживание, - сказал он, имея в виду заговор нескольких низложенных и новых верховных лордов. Жиллиман посмотрел на своего генетического сына. - У меня есть ограниченное время, чтобы спасти Империум от внешних угроз Хаоса и ксеносов, прежде чем вся эта прогнившая структура взорвётся. Я должен одержать здесь триумф. Сердце должно быть вырвано из рук Мортариона. Переход через Аттиланский разрыв в Империум Нигилус больше нельзя откладывать. Абаддон мощно атакует Перчатку Нахмунда и обходит остатки Кадрианских врат. Марней Калгар должен скоро вернуться на Вигилус. Я здесь слишком долго. Без сомнения, это часть плана магистра войны. Он наносит удар по тому, что мне дорого, чтобы отвлечь меня, и мне стыдно признаться, что это сработало.

- Вы полагаете, что Мортарион сотрудничает с магистром войны?

Жиллиман разразился невесёлым смехом:

- Он не выполняет никаких приказов, кроме своих собственных. Это не Ересь. Нет никакого центрального командования, только каприз безумия. Нет, Мортарион хочет только унижить меня. Ему нет дела до Абаддона, но его действия работают на другие планы. Он не осознаёт, что, следуя своей якобы неукротимой воле, он всего лишь марионетка других, как и все последователи Хаоса. Им манипулировали. Мне нужно быстрое решение. Мне нужно знать, что происходит на Иаксе, прежде чем мы атакуем, и мне нужно знать это немедленно. Я в некоторой опасности. Я не могу действовать вслепую.

- Поэтому вы собираетесь поговорить с рабом инквизитора?

Жиллиман поджал губы:

- Мы подошли к сути наших разногласий. Ты не одобряешь. Вот почему я знал, что ты придёшь.

- Почему вы мне не сказали?

- Потому что, честно говоря, сын мой, я ожидал твоего несогласия и понял, что в этой ситуации будет легче справиться с твоим гневом, чем заставить тебя прийти с рабом. Я пришёл к выводу, что ты можешь попытаться уничтожить его на месте с ужасным риском для себя, чтобы спасти меня от ошибки.

- Вы совершаете ошибку.

- В этом нет ничего невозможного. Если это тебя успокоит, уничтожение раба только отсрочено. Он умрёт.

- Но не раньше, чем вы используете его. Это дело рук врага, милорд. Инквизитор Тьерен зашёл слишком далеко. Он опасный радикал, предавший свой пост.

- Его действия приводят тебя в ярость, и всё же он ускользнул от тебя, - сказал Жиллиман. Феликс почувствовал укол критики.

- К сожалению, он по-прежнему на свободе, - со стыдом признался он.

- Не важно, - сказал Жиллиман. - Тьерен раньше был слугой Императора. Он всё ещё верит, что

является им. Он ещё может служить.

- Боюсь, он безнадёжен. Всё, к чему прикасается варп, подвержено порче.

Жиллиман окинул его взглядом:

- Тогда порча в каждом из нас, потому что в наших душах во всех нас заключена частичка варпа. - Он пошевелился. Доспехи судьбы заурчали.

- Вы видели раба? - резко спросил Феликс. - Вы видели, что Тьерен сделал с этим спрашивающим?

- Нет, я признаюсь, что нет, - ответил примарх. - У меня много других дел, которые требуют моего внимания.

- Тогда вы говорили бы по-другому, милорд. Ремо и его паразит не принесут вам ничего, кроме зла, - сказал Феликс.

- Ты недооцениваешь силу воли слуг Императора. Мне сказали, что спрашивающий Ремо сопротивляется. Он трэлл существа, которое находится в нём, но он желает оказать последнюю услугу, и я надеюсь, что это позволит существу оставаться правдивым, пока его допрашивают. Это возможность, Феликс. Пойми, что я не отношусь к таким действиям легкомысленно. Только тварь варпа может рассказать нам, что происходит на Иаксе. Планета балансирует на грани. Один толчок может привести к тому, что она превратится в демонический мир или полностью будет затянута в эмпиреи, и она может забрать с собой много других миров, независимо от того, какой ущерб мы нанесли планам Мортариона. Это возможность, которую я не могу упустить. Это спасёт миллионы жизней. Это может спасти мне жизнь. Я не смогу выиграть эту войну, если умру.

Феликс на некоторое время замолчал.

- Вы клянётесь, что потом убьёте его? - спросил Феликс. - Милорд, простите мою самонадеянность, но если бы вы видели, что оно сделало с истребительной командой, посланной задержать Тьерена...

Феликс позволил фразе повиснуть в воздухе. У него не хватило духу облечь воспоминания в слова.

- Это будет милостью для спрашивающего, если ничем иным. - Жиллиман отошёл от окна. - Ты хочешь присутствовать на допросе, раз уж ты здесь? Возможно, если ты увидишь допрос и казнь, это тебя успокоит. Я бы не хотел, чтобы между нами возникли разногласия.

- Вы убьёте его потом? - снова спросил Феликс.

- Клянусь, - ответил Жиллиман. - Не бойся, оно не сможет причинить нам вред. Консилия Псайкана удерживает его во главе с братом-капитаном Ионаном Градом.

- Серый Рыцарь? - спросил Феликс. - Тот, который победил Тифа на борту Галатана возле Пармениона?

- Именно он. Он сильный и неподкупный. Я спрашиваю, кто лучше Рыцарей Титана может держать в оковах демона?

Вторая глава

ДЕМОНХОСТ

Библиариум космических десантников занимал башню за дворцом, и именно сюда отправились

Жиллиман и Феликс, двигаясь быстрыми подъёмниками и приватными коридорами, пока не оказались в залах из адамантия вдали от корпуса корабля. Тяжелобронированный, только уязвимый реактор был лучше защищён, чем внутренние обереги библиариума, и эта защита совсем не была лишней.

Большинство капитальных кораблей Адептус Астартес несли уменьшенные копии различных меньших владений их крепостей-монастырей: кузницу, реклюзиам, аптекарион и остальные, каждый из которых был необходим для сил космического десанта, чтобы действовать независимо в течение длительных периодов времени. Одна из частей таких кораблей всегда отводилась для псайкеров и нужд эзотерических сражений, в которых они участвовали. Империиум сталкивался со множеством разновидностей сверхъестественного врага. Охраняемые камеры и ритуальные места были так же необходимы, как пушки и танки для самых элитных армий.

То, что библиариум *“Чести Макрагга”* отличался от библиариумов на других кораблях космического десанта, было лишь отчасти связано с масштабом – хотя он, несомненно, превышал размером большинство из них. Главное отличие заключалось в его назначении. Вместо мистиков одного ордена, библиариум *“Чести Макрагга”* принимал библиариев многих братств и людей, не принадлежавших к Адептус Астартес, в нём служили неаугментированные человеческие псайкеры, а также те, кто вообще не являлся человеком. Каким бы ни было их происхождение, они были могущественны в варпе, и их руководители составляли Консилию Псайкану Жиллимана: его совет провидцев. Когда-то, давным-давно, Жиллиман счёл бы саму идею такого совета нелепой – чем-то из детских сказок, кабалой колдунов, направлявших короля. Теперь он находил их незаменимыми.

Количество членов Консилия Псайкана было изменчивым, поскольку они приходили и уходили на задания или погибали в боях. Их никогда не было больше сотни, и никогда меньше дюжины. Хотя со временем Консилия менялась, в её составе была горстка, на которую Жиллиман особенно полагался, и они стали для него ценной константой в войне против богов.

Жиллиман и Феликс подошли к камере, полностью сделанной из железа, проржавевшего до цвета застарелой крови. Помещение было маленьким, едва ли пятьдесят футов в поперечнике, и формой напоминало пчелиный улей – выше, чем в ширину – с защитными рунами, вырезанными на металле в таком количестве, что не осталось ни одной гладкой поверхности. Единственного люмена в клетке под потолком едва хватало, чтобы осветить камеру. Кольца из потускневшего серебра лежали на полу, скобы, удерживавшие их на месте, глубоко вонзились в палубу. Узкие смотровые щели тянулись по всему помещению на высоте головы космического десантника. Глубоко в них поблёскивало чёрное стекло, а рамы и перекладки были сделаны из освящённого свинца, также отлитого со многими символами. Это было место крайней духовной опасности, на которое лучше всего смотреть снаружи, но Жиллиман и Феликс вошли внутрь.

- Мы должны увидеть всё своими глазами, – сказал Жиллиман, прежде чем они переступили порог.

Толстая дверь со скрипом отъехала в сторону. Жиллиман надел шлем, велел Феликсу сделать то же самое и склонился, чтобы пройти. Войдя внутрь, он не остановился, а пересёк камеру и занял место у дальней стены. Феликс же колебался. Он почувствовал запах крови. Он почувствовал страдание. В полу был широкий раздвижной люк, и от него исходило предчувствие ужаса, настолько сильное, что волосы на шее встали дыбом.

- Это злое место, – сказал Феликс.

- Есть разные степени зла, – ответил Жиллиман. Его проецируемый машиной голос казался лишённым

силы, притупленным злобой, колоколом с приглушённым языком. – В совершенной вселенной я бы не имел с этим никаких дел, но вселенная, которая нам досталась, несовершенна, и поэтому некоторое зло должно служить, каким бы опасным оно ни было. Входи, Феликс, с тобой ничего не случится, обещаю.

Феликс неохотно присоединился к примарху и повернулся лицом к двери. Вошёл эпистолярный космического десанта и два кодиция. Одного Феликс знал, как Донаса Максима из Ордена Авроры, других – нет. Они были в шлемах, глазные линзы уже светились собиравшейся психической силой. Они расположились одинаково, их молчание добавляло ощущение меланхолии к пронизывающему металл злу.

Следующий вошедший удивил бы некоторых на флоте, потому что не был ни космическим десантником, ни даже человеком, а альдари, облачённым в чёрную мантию и мистическое снаряжение ясновидца Ультве. Его высокий изогнутый шлем почти касался верхней части дверного проёма, когда он вошёл.

Это был Иллианне Натасе, эмиссар Эльдрада Ультрана, союзника Жиллимана.

Феликс родился в более терпимой эпохе, и ксеносы вызывали в нём скорее любопытство, чем ненависть. Натасе был ценным советником Жиллимана, но о его присутствии в Консилие не распространялись, и в течение некоторого времени он находился вдали от флагмана, общаясь со своим народом, который пришёл помочь в боях на западе Ультрамара. Несмотря на близость Феликса к Жиллиману, даже его контакты с Натасе сводились к минимуму. Натасе был тайной, очень похожей на то, что должно было произойти. И первое и второе было тайнами самого разрушительного рода.

Натасе изящно приветствовал примарха, это было больше похожее на танец, чем на поклон. Если бы человек совершил те же действия, он показался бы нелепым, но альдари был грациозен, его движения прекрасны, а изящные амулеты, которые он носил, только подчёркивали его элегантность, когда качались в такт приветствию.

– Милорд Робаут Жиллиман.

– Ты готов? – спросил примарх.

– Да, – ответил Натасе. – Я сверился с пряжей, каким бы трудным это ни было в окружении стольких грубых умов. Ты сможешь допросить демона. Он ответит тебе. – Ксеноса было трудно прочитать, язык его тела был богатым, но чужеродным. Жиллиман понимал это лучше Феликса.

– Ты на стороне Децима. Ты думаешь, что мы не должны проводить этот допрос, – сказал Жиллиман.

– Не должны, – твёрдо сказал Натасе. – Связанный с этим человеком демон – часть Великого Изменителя. Ничто из того, что ты услышишь из его уст, не будет правдой, даже если он говорит правду. Ты разумен для того, кто происходит от человеческого рода, лорд Жиллиман, но я боюсь, что ты не добьёшься ничего, кроме вреда, если продолжишь.

Жиллиман окинул ксеноса внимательным взглядом. Натасе казался Феликсу таким хрупким, как связка тростника, наряженная в одежды и собранная так, чтобы выглядеть как человек, таким слабым, что одна только тяжесть взгляда Жиллимана должна была бы сокрушить его, но он стоял твёрдо.

– Твои прогнозы говорили об этом? – спросил Жиллиман.

– Эльдрад Ультран приказал мне быть с тобой как можно откровеннее, потому что ваш вид не слишком умён, и ты многого никогда не поймёшь, – ответил Натасе. – По правде говоря, я не вижу, что с тобой

будет. Дороги, созданные Изменяющим Пути, извилисты и никогда не ведут туда, куда, как мы думаем, они могут привести, пока не достигнут своей неизбежной цели.

- Порча. Безумие. Проклятие, - произнёс Жиллиман.

- Лаконично, прозаично, но уместно, - сказал альдари. В том, как он подражал манере речи Жиллимана, был намёк на насмешку. - Мой совет тебе продиктован отчасти этой неопределённостью, а отчасти тем, что я знаю этих демонов древности. Каждое их слово - ловушка.

- Значит ты отказываешься помочь мне найти ответ?

- Нет, я не отказываюсь, - ответил Натасе, и его высокомерие смягчилось сожалением. - Я связан клятвой помогать тебе всем, чем смогу. Эльдрад Ультран сказал, что я должен выслушать тебя. Он сказал, что ты... - Ксенос тщательно подбирал слова. - В чём-то превосходишь даже нас. - Было очевидно, что ему неприятна эта мысль.

- Благодарю за совет, ясновидец. Мы продолжим. Давайте займёмся делом. Я не позволю Ремо страдать дольше, чем это необходимо. Приведите пленника, - приказал Жиллиман.

Как только эти слова были произнесены, температура в помещении опустилась. Раздвижной люк открылся. Колеса подъёмника закрипели, из шахты засиял серебристый свет, и по ржавым стенам пополз иней. Руны с треском активировались, когда психическая сила ударила по металлу. Невидимый прежде окружавший люк гексаграмматический круг замерцал, а затем вспыхнул так ярко, что шлем Феликса отреагировал и затемнил линзы.

Одержимый и его охранник поднялись на платформе.

Несмотря на лишённую времени тюрьму стазисного поля, в котором содержался демонхост, Хаос глубоко укоренился в глине тела Ремо. Его кожа стала тошнотворно-розовой и покрылась язвами. Он был истощён, виднелись искривлённые кости, очевидно, вывернутые в процессе превращения во что-то новое. Из суставов торчали шишки и шпоры. Несколько рогов росли с одной стороны его лица, полностью закрывая черты слева, кроме рта, чьи опущенные клыки демонстрировали неизменную, слюнявую ухмылку. В кровоточивших дёснах теснились чёрные зубы, острые, как кремь. Хотя это должно было сделать демонхоста похожим на безмозглого дурака, каким-то образом выражение лица сумело передать опасную хитрость и веселье.

Что касается человека, которым был спрашивающий Ремо, от него мало что осталось, кроме страданий. Его руки были перекинута через перекладину Т-образного распятия из блестящего металла, руки скованы за спиной цепями с рунами из такой же синей стали. Петли колючей проволоки вокруг локтей и талии удерживали его на месте. Яростно светившиеся защитные амулеты свисали с него гроздьями. Ноги были приколоты к металлическому столбу единственным серебряным гвоздём, на шляпку которого нанесли сложный знак. Он, как и все другие тайные символы вокруг него, светился неестественным жаром. Чёрное пламя лизало пути, обжигая плоть везде, где касались её. Это было мучительное положение - быть связанным столько времени, но Ремо оставался совершенно неподвижным, единственный жёлтый глаз смотрел вперёд. Спрашивающий встретился взглядом с Феликсом. "Какой глубокий взгляд", - подумал он. Два зрачка плавали вокруг радужной оболочки, перемещаясь в постоянно менявшемся порядке, как Великий Разлом, который расколол галактику. За ними были бесконечности.

Прежде чем Феликс успел отвести взгляд, непрошено всплыло воспоминание.

Феликс вспомнил тот день, когда раскрыл заговор Тьерена. Так называемый ритуал прорицания, чтобы найти сеть порчи Мортариона. Он до последнего момента не знал, что инквизитор собирается привязать демона к своему слуге. Он вмешался, Тьерен сбежал. Ремо остался, уже проклятый. Феликс потерял шестерых хороших людей, прежде чем Ремо схватили. Стазис и психический замок просто удерживали его.

Опасения Феликса удвоились. Холод коснулся обоих его сердец. Он отправил Ремо обратно на Веспатор, чтобы его псайкеры благополучно разобрались с ним, опасаясь, что простое убийство может высвободить заключённого в плоти испрашивающего демона, потому что как даже сейчас можно было быть уверенным в таких вещах? И всё же, вернувшись с Альвейро, он обнаружил, что демонхост не мёртв, а находится на борту нулевого корабля Анафема Псайканы и направляется за пределы системы. Он был потрясён, узнав, что приказ поступил непосредственно от примарха. Его одолевали сомнения. Он любил Жиллимана как отца, но это, несомненно, был шаг в неверном направлении. Ремо был одержим Хаосом, и с ним ни в коем случае нельзя было иметь дело. Его воспоминания о борьбе с этой тварью рухнули в огонь, и он увидел кровавое будущее, где мрачная насмешка над Жиллиманом властвовала над Империем отчаяния и страданий. Вот как началось проклятие, с одного плохого поступка, совершенного по доброй воле. История повернулась на острие копья.

“Если бы только это можно было остановить”, - подумал он. Один удар мечом. Секундное дело. Он умрёт, но будущее будет...

Феликс оторвал взгляд от демона. Он вспотел под доспехами. Рука лежала на рукояти меча, готовая вытащить его.

Жиллиман посмотрел на него.

- Будь осторожен, Децим, - сказал Жиллиман. - Не прислушивайся к его посулам.

Феликс кивнул и пришёл в себя:

- Да, милорд.

С тех пор он избегал встречаться взглядом с пленником. На шее Ремо был ошейник, также украшенный защитными символами. От ошейника тянулась цепь. Её конец держал в руке охранник, воин в необычных терминаторских боевых доспехах, и он тоже был по-своему ужасен.

Там, где Ремо кипел от жара, Иона Град излучал холод, более глубокий, чем пустота вакуума, и Феликс понял, что именно под его влиянием появился мороз и замёрз воздух. Феликс привык к психическим проявлениям. Его собственные советники включали в своё число немало могущественных псайкеров, и он сражался против всевозможных мерзостей варпа и колдунов с тех пор, как его пробудили, но ощущение исходившей от Града силы было совершенно на другом уровне. Он представил себе, каково это - быть рядом с Самим Императором. Душа Феликса трепетала в его присутствии. Тетрарх был могучим воином, но он точно знал, что если капитан Серых Рыцарей обратится против него, он умрёт через несколько мгновений, и что вместе с его телом будет уничтожена и его душа.

Жиллиман не был подвержен влиянию ни демона, ни воина-мистика.

- Капитан Град, - сказал он, - ты готов?

- Я готов, - сказал капитан. Его голос звучал осуждающе, тон подчёркивался резкостью его вокс-передатчика.

- Натасе, - произнёс Жиллиман, - начинай.

Альдари дрожали, глубоко потрясённый сокрушительным присутствием Града. Ясновидцы являлись чрезвычайно могущественными псайкерами, но их таланты были менее агрессивными, чем у Серых Рыцарей, а чувствительность его расы была в целом выше, чем у людей. Он осторожно подошёл, словно приближался к бушующему пламени, и потянулся к висевшему на боку мешочку. Быстро говоря на своём языке, он вытащил несколько маленьких предметов; похоже, это были угловатые руны. С большой осторожностью он заставил их вращаться одну за другой на ладони, затем подбросил в воздух, где они заняли орбиты вокруг демона и его тюремщика, оставляя за собой серебристый свет, пока Град и Ремо не были окружены сложным, пересекавшимся узором. Феликс слышал имена различных божеств альдари в текущей речи, доносившейся из шлема ясновидца, но больше ничего не разобрал.

Когда клетка была сплетена, ясновидец отступил. Его руны продолжали двигаться по орбите.

- Он связан, - хрипло сказал Натасе.

Демонхост продолжал смотреть вперёд, только на Феликса. Тетрарх почувствовал, что существо пытается поделиться с ним какой-то личной шуткой.

- Дознаватель Ремо, - произнёс Жиллиман. - Поговори со мной.

Неожиданно голова существа дернулась вперёд и назад так быстро, что превратилась в размытое пятно, и одержимый издал глубокий кошачий рык.

- Ремо. Сражайся, - повелел примарх. - В тебе ещё осталась воля.

Голова демонхоста перестала дёргаться и замерла. Он рассмеялся.

- Твоего слуги больше нет, он поглощён мной, он часть меня. Часть Владыки Перемен, как всё было, есть и будет, - сказал демонхост. **- Нет надежды ни для него, ни для тебя, мой ничтожный смертный лорд.**

Жиллиман посмотрел на Града. Серый Рыцарь сильно дернул цепь, потянув демонхоста вперёд. Голубой огонь побежал по звеньям и опалил плоть существа. Тот издал возмущённое рычание.

- Пусть вперёд выйдет дух Ремо, чтобы он мог поговорить с нами, - сказал Жиллиман.

- Нет, - ответил демон. **- Это тело моё. Его душа принадлежит мне. Я не позволю ему говорить.**

- Ты уже показал свою слабость и лживость. Как его может не быть и одновременно он по-прежнему может говорить? Отпусти его, - сказал Жиллиман. Он снова посмотрел на Града.

Руны вспыхнули по всей броне Серого Рыцаря, когда он произнёс литанию на древнем готике, закончив серией звуков, которые мучили слух всех в камере и эхом отдавались в невидимых пространствах. Связанный демон закричал, услышав своё имя, и забился в оковах. Натасе отшатнулся. Библиарии космического десанта напряглись, их глазные линзы светились, когда они направляли свою грозную волю, сдерживая демона. Серый Рыцарь замолчал, и слова стихли, медленно, оставив шипение, которое казалось достаточно резким, как если бы в воздухе повисла кровь.

Ремо вяло свисал с шеста и перекладины. Теперь он казался более человеческим, страдающим, а не опасным. Проволока умертвила его плоть, и кровь, ярко-красная, как у смертных, потекла по его телу.

- Я знаю твоё истинное имя, демон, - сказал Жиллиман. - Неужели ты думал, что я стану просить тебя, как какой-нибудь глупый колдун, готовый продать свою душу за обрывки знаний? Я последний сын Императора Терры. Ты будешь слушать меня и повиноваться!

- **Тогда говори со своим жалким сервом,** - произнёс голос демона.

Ремо поднял голову, теперь уцелевший глаз был человеческим, карим и полным боли.

- Милорд, оно знает, что вы его уничтожите. Я... - Он поморщился и стиснул чёрные зубы. - Оно не скажет вам того, что вы хотите знать. Я не могу заставить... - Его сильно затрясло. Кровь хлынула у него изо рта, грудь содрогнулась. Он застонал и собрался с силами. - Милорд, помогите мне, я хочу служить, но не могу больше этого выносить. Убейте меня, умоляю вас.

- Оно скажет, - произнёс Жиллиман ледяным тоном. - У нас есть его истинное имя. У него нет выбора, не так ли?

Голова Ремо дёрнулась, и глаз закатился, совершив полный оборот, пока жёлтая радужка с двойным зрачком не показалась снова.

- **Будь ты проклят, сын Анафемы!** - сказал он. - **Будь проклят ты и весь твой немощный род! Великий Тзинч возвышается, и ты его пешка. Разве ты не видишь этого? Я ничего тебе не скажу!**

- Ты будешь говорить. - Жиллиман положил руку на рукоять меча Императора. - Сейчас ты заговоришь, и затем этим клинком я выжгу твою сущность из бытия. Ты ничего не можешь с этим поделать. Я презираю тебя. Я отрекаюсь от тебя. Но прежде чем твоя злоба навсегда исчезнет из реальности, ты заговоришь и проклянёшь своего хозяина!

Демон корчился.

- **Никогда!** - сказал он, хотя в его словах прозвучала боль.

- Скажи мне, какой план моего брата Мортариона?

- **Я не буду говорить.**

- Говори! - крикнул Жиллиман, и Феликс был поражён силой его воли. Сцена в камере была уже сама по себе достаточно ужасающей, но под кожей реальности двигались соперничающие потоки, огромные течения психической энергии, которые разрывали тетрарха. Все они, ясновидец, Серый Рыцарь, библиотеки космических десантников, были затронуты этим, но не Робаут Жиллиман. - Ты плетёшь интриги, твой хозяин - заклятый враг моего брата. Расскажи мне о его планах, и ты, по крайней мере, умрёшь, служа своему переменчивому сеньору, который сможет насладиться небольшой победой, когда я уничтожу своего родственника.

- **Нет!**

Демон корчился. Колючая проволока впилась в украденную им плоть, вырезая кровавые полосы в теле Ремо. Вокруг его рук и ног вспыхнули чёрные огни, пожирая смертную оболочку. Едкий дым заполнил камеру. Феликс услышал слишком человеческие крики Ремо среди воя демона. Снова Серый Рыцарь произнёс имя демона, заставив того закричать. Один из библиариев рухнул, его броня громко лязгнула об пол. Руны Натасе вокруг демонхоста вращались всё быстрее и быстрее.

- Говори, - повелел Жиллиман.

Демонхост внезапно наклонился вперёд. Грубая волна противоречивой духовной энергии утихла. Наступила душная тишина.

Натасе что-то сказал на своем чужом языке.

- Сейчас наступает самый опасный момент, берегись! - добавил он на готике.

Демонхост поднял голову. Он заговорил двумя голосами, Нерождённый теперь подчинялся Ремо. Чёрные слезы побежали по его лицу.

- Задавай свои вопросы, о сын Анафемы. Девять их у тебя будет, по числу благодеяний Тзинча.

Жиллиман был готов.

- Где Мортарион?

Демонхост вздрогнул:

- Он ждёт тебя на Иаксе, как сам сказал тебе. Осталось восемь вопросов.

- Каковы его намерения?

- Убить тебя. Семь вопросов осталось у тебя.

- Как? - спросил Жиллиман.

- Болезнью, в честь своего бога Нургла, лорда болезней, повелителя семи и трёх. Ещё шесть ты можешь спросить.

Жиллиман остановился и обдумал услышанное. Связанный демон был верен обычаям своего вида, давая самые ограниченные ответы. Все они только вводили в заблуждение. Примарх должен быть осторожен.

- Я примарх, созданный Императором. У меня иммунитет ко всем болезням. Если Мортарион убьёт меня болезнью, это должно быть что-то сверхъестественное. Как это возможно?

Демон зашипел. Ремо всхлипнул, с трудом выговаривая слова:

- На Иаксе работает Ку'гат Чумной Отец, трижды проклятый Нечистый, первый в милости Нургла. Он сам мешает в котле Нургла. Именно чумой, сваренной в котле, он убьёт тебя, глупый смертный. У него твоя кровь. Ещё пять.

- Это был полный ответ, милорд, и он может быть полон предательства, - предупредил Натасе.

- Я не буду сбрасывать это со счетов, - сказал Жиллиман. - Скажи мне, демон. Я читал об этом котле. О нём известно моим хранителям знаний. Играет ли он какую-то роль в сети порчи, которую Мортарион набросил на моё королевство?

Демон взвыл:

- Да! Да! Да! - Он бился и кричал, проклиная собственные слова, которые лились из его рта. - **Это источник, выгребная яма, даритель разложения, сердце, которое качает грязь по всему**

твоему царству. Четыре ответа я дам тебе теперь, не больше!

- И если он будет уничтожен, власть Мортариона над Ультрамаром будет разрушена?

- Ему, сыну чумы и сыну Анафемы, будет нанесён тяжёлый удар! Осталось три.

- Где он? - спросил Жиллиман.

Демон стал хитрым:

- В варпе. В саду Нургла. Два.

Жиллиман раздражённо дёрнулся. Он плохо сформулировал свой вопрос.

- Где он на Иаксе?

- Везде. Нигде. На Иаксе, - ответило существо. **- Один.**

- Не играй со мной! - произнёс Жиллиман и шагнул вперёд. Он вытащил меч Императора на ширину пальца из ножен. Яркий огонь вспыхнул вдоль обнажённого лезвия. - Ты знаешь этот меч. Через несколько мгновений я использую его, чтобы покончить с тобой.

Раздался булькающий смех. Хотя его источником был демон, тот, казалось, исходил из всех углов камеры и разъедал душу Феликса, как кислота.

- Ты угрожаешь мне уничтожением, тогда зачем мне вообще что-то тебе говорить?

- Потому что ты связан! Скажи мне, где на Иаксе я найду котёл, чтобы его можно было уничтожить?

- Он нигде, он везде. Иакс становится Мориаксом. Он больше не твой и не принадлежит этому царству.

- Говори! Расскажи мне больше!

Демонхост сжался. Голос Ремо стал сильнее, настойчивее:

- Он утащит всё твоё королевство в варп, ты - ключ. Он станет вонючей игровой площадкой Чумного бога. Ты спешишь к этому концу, и твоё безрассудство приведёт к тому, что его планы осуществятся.

- Это не ответ на мой вопрос, где котёл? Я приказываю!

Демон задрожал, сопротивляясь давящему на него принуждению, внутренний конфликт поднял его с импровизированного креста. Тёмный свет засиял нимбом вокруг его искривлённой головы, и горелый пряный запах душил всех, кто находился рядом.

- Место жизни, сотворённое из болезней, где ни земля, ни вода не властны, но оба они - владыки. Сад смерти, где играют повелители чумы. Окованный железом король оспы обрушивает свой смертоносный замысел на твою обыденность.

С огромным рывком демон выкашлял извивавшиеся кольца огней, которые позволили появиться недолговечным монстрам. Они ревели, дрались и брызгали ядовитым туманом на всех присутствующих, прежде чем раствориться с умоляющими криками.

- Я больше не стану отвечать на вопросы, но обрету свободу и выполню порученное мне задание, - прогремел голос со всех сторон, заставив Феликса упасть на колени. Люмен погас. - **Не Нургл получит твою голову, а следующий множеством путей Тзинч!**

Кровь текла из его глаз, и Феликс едва видел, что произошло дальше, но пережил это как серию коротких эпизодов, запечатлённых в его памяти пульсировавшим психическим светом. Руны Натасе взорвались дождём призрачной кости, и ясновидца отбросило к стене. Клетка света рухнула внутрь, порезав броню капитана Града. Колючая проволока лопнула, и демон сбросил свои путы. Цепь на его шее вспыхнула красным и растаяла в дыму. Изуродованное тело Ремо содрогнулось и изменилось, замерцав переливавшимся светом. Из его рук и спины выросли перья. Его шея удлинилась и повисла, голова стала длинной и птичьей. Когти кроваво вырвались из пальцев. Серебряный гвоздь вылетел из его плоти, вонзившись в стену, и демон шагнул вперёд.

Град двинулся ему навстречу, его броня по-прежнему дымилась от разрезов клетки Натасе, но зверь, теперь уже двадцати футов ростом и продолжавший расти, отшвырнул его в сторону, отправив в одного из библиариев. Феликс попытался подняться, но голова твари повернулась на шее. Одного взгляда глазбусинок оказалось достаточно, чтобы пригвоздить его к месту. Его тело, казалось, пылало огнём, и он взревел от боли.

Затем появился свет, успокаивающее пламя, которое омыло его, словно бальзам, и он повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть Жиллимана, последнего верного сына, высоко поднявшего над головой меч своего отца. Демон на мгновение отпрянул от клинка, а затем атаковал, нанося удары быстрее, чем мог уследить глаз. Раздался взрыв и крик, который, казалось, длился вечно. Пламя меча вырвалось наружу и закружилось. Демон завопил. Из него повалил белый дым, его крики превратились в жалкий визг, и он съёжился, снова уменьшившись до человеческих размеров. Феликс увидел, как объятый пламенем Ремо пронзил меч Императора, а затем тот упал на пол.

Крики стихли. Огонь погас. В камере стало темно.

Целую вечность Феликс лежал ошеломлённый. Он даже не успел положить руку на меч.

Тишина прошла. Феликс пошевелился. Он чувствовал слабость, но мог стоять. Он увидел светившиеся линзы глаз Града, библиариев и, наконец, к его облегчению, линзы доспехов судьбы Робаута Жиллимана, безошибочно узнаваемые по их размеру и высоте.

- Люмен, - приказал Жиллиман.

Единственная лампа под потолком выплюнула искры, а затем медленно включилась.

Библиарии космических десантников стояли на страже, держа оружие наготове. Нимбы психической энергии вернулись, заиграв вокруг голов всех псайкеров. Натасе стоял в дальнем конце камеры, его украшенный шлем был сброшен. Его лицо было бледнее алебаstra, чёрные глаза - казались маленькими щёлочками. Он тихо дрожал, и на взгляд Феликса был больше поражён силой меча Бессмертного Императора, чем появлением демона.

От Ремо остался только обугленный труп, его конечности сжались из-за свёрнутых огнём сухожилий, зубы белели в кричащем рту. Град подошёл к мертвецу и посмотрел, его линзы злобно сверкнули синим светом. Именно он заговорил первым, и он обратился к Жиллиману.

- Вы лорд Империиума, имперский регент, лорд-командующий, последний верный сын Самого Императора, мой господин и мой генерал, - произнёс Град. - Но я никогда больше не сделаю для вас

ничего подобного. Запомните мои слова хорошо, примарх, вы ступили в опасные воды с тем, что здесь произошло.

Позже Феликс узнал, что в тот день всё братство Града покинуло флот-примус, независимо от того, где находились его боевые группы, и какое-то время они не будут служить на стороне Жиллимана.

Жиллиман смотрел, как уходит Град. Меч Императора висел в ножнах на боку, словно и не покидал их.

- Действительно, опасный путь и тяжёлая цена. Этот человек отдал свою жизнь и душу, чтобы донести до нас эту информацию, - сказал Жиллиман. - Но теперь я знаю, что нужно сделать, чтобы убрать Мортариона из Ультрамара.

Третья глава

ВЕЛИКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

- Когда-то здесь были города, - сказала Черала. Она закашляла и сплюнула мокроту. Её бедро снова болело, а нога волочилась. Ещё один сомнительный подарок от весёлого Дедушки.

- Заткнись, Черала. Их никогда не было. - У Одифа был гудящий голос, наследие ушных червей, которые забрались ему в голову, когда он был ребёнком. Он по-прежнему слышал их тихие трели и поэтому всегда очень громко говорил.

Черала съёжилась. Крик Одифа поднял с холмов тучи желчных мух. Гигантские грибы задрожали и повернулись, хлюпая на стеблях, чтобы посмотреть, как они проходят мимо.

- Были! Дедуля рассказывал, - сказала Черала. Она откинула сальные волосы со здорового глаза. Другой был наполовину закрыт пульсировавшими наростами. Ведьмаки в деревне говорили, что опухоли могут пройти, а могут и не пройти; всё зависело от того, как усердно она молилась своему другому дедушке, толстяку, весёлому лорду, Нурглу-в-тумане. - Прямо здесь, в Вонючем лесу, был город.

- Чепуха! - прогремел Одиф. - На Ноксии нет городов. Вообще. - Они оба имели лишь смутное представление о том, что такое город, но знали, что в нём много людей. - Глупо жить в такой тесноте. Самый быстрый способ распространения оспы.

Оспа: они использовали это слово для всего, независимо от недуга, болезни или недомогания, хотя, когда дело доходило до правильного описания, если это требовалось, у них было множество слов, по одному для каждого из подарков Дедушки.

- Это правда, - сказала Черала. Несогласие Одифа разозлило её, и в кои-то веки она дала отпор. Она указала на высокие жабы деревья, на каждом из которых росли тысячи пятнистых шапок слизи. - Это были здания, огромные, как небо, а это... - Она указала на хлюпающие мхи, по которым они шли. - Это были дороги, прочные.

- Во-первых, это мох. Во-вторых, дороги - это слякоть и грязь, - сказал Одиф. - Это лес, и он всегда был лесом. Деревья, слизь и мухи. Никаких зданий, ничего прочного.

- Да ну? - тихо проворчала Черала, но Одиф, вот неожиданность, прекрасно её расслышал.

- Ну да, - сказал Одиф.

Они подошли к краю земель сбора. Под обилием лиан и деревьев можно было различить квадратные,

правильные продолговатые силуэты, сложенные в высоту по пять штук. Их ржавые двери были полуоткрыты, показывая зловонную тьму внутри. Издалека они выглядели как глыбы, и маленький ребёнок мог бы принять их за таковые, но Черале было двенадцать лет, она прожила уже полжизни, и она была мудра, как и все. Блоки были металлическими, по большей части прогнившими насквозь и порой наполовину погрузившимися в болото, но когда её дедуля – её человеческий дедушка – рассказал историю города, она поверила, потому что видела ящики.

- Тогда что это? – спросила она.

- Божьи ящики, – воскликнул Одиф. – Подарки из кладовых Дедушки в его Чёрном поместье. Далеко, далеко в саду.

Одиф обернулся и посмотрел на неё. Его лицо настолько распухло от зоба, что растянулось, а челюсти свисали на грудь. Его потрёпанная одежда была в пятнах от пота. Он выглядел лет на пятьдесят, хотя был ровесником Чералы.

- Так рассказывают говорящие с богом. Они говорят, – проревел он, – что если ты будешь продолжать идти всё дальше и дальше по Вонючему лесу, то выйдешь с другой стороны, и окажешься в самом великолепном из мест, в саду Нургла! Как это прекрасно, когда тебя пожирает гниль, но ты этого не чувствуешь. – В животе у него заурчало, и он шумно выпустил газы.

Они шли между божьими ящиками. Так близко к деревне их обчистили ещё поколение назад. Дедуля Чералы говорил, что с тех пор, как появился лес, прошло сто лет, и он был прав. И одновременно он ошибался, потому что за пределами трёх систем звёзд Бедствия прошло всего двенадцать лет. Просто в империи смертных Мортариона время болело не меньше, чем плоть.

- Нет, – сказала она. – Нет! Это... – Она подыскивала незнакомые слова. Мягкое небо дедули пострадало из-за гнили во рту, и он говорил не так хорошо. – Розовые тейнеры, – сказала она. – Это был... *порт*. Он сказал, что эти ящики пришли из других мест, полные всего хорошего, что мы берём из них сейчас, в большом Периуме, до того, как мы встретили весёлого Дедушку и когда поклонялись другому богу.

Теперь она сама говорила громко, раздражённая. Её богохульство вырвалось так же легко, как отрыжка, и оказалось не менее едким. Визг насекомых на деревьях стих. Паршивые птицы перестали каркать. Они осуждающе наблюдали за ней.

Одиф, казалось, ничего не заметил, но хлопнул себя по шее, прибавив кровопийцу. Он стряхнул слизь с руки.

- Твой дедуля так сказал? – Он захохотал. – Слова твоего дедули не ценнее навоза. Он самый старый человек в деревне, и голова у него такая же мягкая, как и рот.

Звериные звуки леса вернулись, снова переживая свои безумные циклы жизни и смерти. Черала продолжала держать больной язык за зубами. Она не хотела обижать весёлого Дедушку рассказами своего дедули, плохие вещи случались с теми, кто так делал, но она знала, что они были правдой. Он сказал, что его прапрадедушка работал здесь, и он не имел в виду, что тот рылся под гнилыми стволами в поисках пищи.

Корни деревьев в этой части леса были толстыми, побеги росли на фут в день, прежде чем превратиться в чёрную труху, а затем снова, так что предательская паутина коряг заменила мох. Они отправились к нагромождению розовых тейнеров, или божьих ящиков, если вы придерживались мнения Одифа. Те образовали зелёные каньоны, увенчанные деревьями и свисавшими бородами лишайника. Иногда

животные бежали впереди них, все они были благословенны, и ни одного – и Черала содрогнулась при этой мысли – *здорового*. Таковы были подарки весёлого Дедушки.

Они ударили по нескольким тейнерам, которые гудели, как пустые черепа, если бока не рассыпались. Все они были пустыми, их содержимое давно исчезло или сгнило в кашу. Многие стали логовищами кишасих форм жизни Ноксии. Когда они открывали двери, шипящие крысы выскакивали из своих гнёзд, или рой мерзких жуков пролетали мимо на мерцавших крыльях, пугая Чералу и заставляя Одифа громко смеяться, словно один из храмовых колоколов.

Лес поредел. “Порт, должно быть, был таким же большим, как весь мир”, – подумала Черала. Жабьи деревья и их толпы слизистых крон отступили. Божьи ящики тянулись вдаль, тысячи и тысячи. Возможно, миллионы. Далеко на севере они громоздились друг в друга, и там по-настоящему начинались болота, но здесь, всё ещё у края, под зелёными и чёрными ковриками сохранялись намёки на упорядоченность.

Сколько бы ящиков ни было, Черала и Одиф ничего не нашли. Каждый удар отзывался гулким эхом. Каждая дверь открывалась в пустоту. Они съели по паре крыс, сырых и мокрых, и потому не убили никаких подарков, которые весёлый Дедушка мог спрятать внутри, чтобы помучить их.

Открылся полог леса. Деревья на божьих ящиках поредели. Вскоре они увидели сами ящики, теперь уже как следует, блестящие от ржавчины, но определённо *сделанные*. Черала провела пальцами по выцветшим буквам и обнаружила на одном из них отлитые из металла черепа.

– Смотри! – сказал Одиф. – Это символ весёлого Дедушки, череп Нургла. Он дал нам это, а не какой-то Периум, – усмехнулся он.

– Скорее поправляйся, – огрызнулась она и вскарабкалась на бок одного из божьих ящиков, используя виноградные лозы, чтобы забраться наверх. Она стояла и смотрела на холмистые горизонты, на беспорядок организации и хаоса в пейзаже.

Небеса Ноксии пульсировали цветом, мертвенно-бледным, словно исчезающий синяк, смесью зелёного и жёлтого, фиолетового и коричневого. Это было прекрасно, и она некоторое время смотрела, как кружатся облака, забыв о боли. Пелена дождя притянула её взгляд вниз, а затем луч света проник внутрь и осветил что-то, что заставило её вскрикнуть от восторга.

– А что насчёт этого? – сказала она, указывая рукой.

Одиф поднял взгляд с земли, где ковырялся палкой.

– Что? – Он ничего не видел. Немного дальше по линии ящиков один из них упал со штабеля и заслонил ему обзор.

– Вон там. – Она заковыляла так быстро, как только позволяло ей не сгибавшееся бедро, вдоль длинного квадратного гребня из божьих ящиков. Одиф последовал за ней по дороге между ящиками, и теперь она могла видеть, что это была *именно* дорога, потому что встречались участки мокрого плоского камня с вделанными в него маленькими металлическими шипами и забитыми листьями решётками.

На этой дороге было то, что она увидела. Одиф перелез через упавший божий ящик, загоразживавший это от посторонних глаз, и она прохрипела торжествующий смешок.

– Посмотри туда! Это должно быть что-то!

- Это ничего, - сказал Одиф, приближаясь к окутанному растениями силуэту, на который она указывала.

- Врун! Ты всё видишь! Это машина! Машина! Это не из леса! Город. Здесь. Ха! - Она спустилась с гребня и стянула мох и гниющую ткань, обнажив тяжёлую, жестокую на вид штуковину, квадратную во всех изгибах и выпуклостях джунглей, с клеткой наверху, в которой мог сидеть человек, и длинной рукой с зубцами для поднятия тяжёлых предметов. "Как тейнеры", - подумала она.

Одиф приподнял пучки мёртвой растительности и пренебрежительно фыркнул. Металл был ржавым, тонким, как бумага. Хлопья краски осыпались, словно струпы.

- Что-то от людей Дедушки. Гвардия Смерти. У них есть танки и всё такое.

- Ты когда-нибудь видел хоть одного? - воскликнула Черала. - Они бы никогда туда не поместились! Это для нормального человека, как мой дедуля.

- Здоровья твоему дедуле, - мрачно сказал Одиф, отходя от машины. - Сюда, болтушка, эти божьи ящики выглядят нетронутыми.

- Розовые тейнеры, - не унималась Черала и показала язык.

Конечно же, Одиф оказался прав. Ящики были набиты до отказа. Содержимое некоторых сгнило до бесполезности, твёрдые куски отслаивающейся древесной массы, которые могли быть коробками, вещи внутри таинственных свёртков. Но в других крошащийся пластик и прочные металлы защитили содержимое, и когда Одиф открыл божий ящик парой ударов по замку, и оттуда посыпалась лавина металла, он захрипел от радости.

- Хорошая сталь! - сказал он, поднимая тяжёлый винт. - Хорошее железо!

Это были детали каких-то машин, когда-то защищённые заполненными маслом полиэтиленовыми мешками. Мешки исчезли, масла высохли до липкой смолы, но сам металл почти не пострадал. Одиф поднял один кусок, потом другой, и уронил их, когда заметил что-то получше. Он вошёл внутрь, вытащил содержимое, и ещё больше посыпалось изнутри.

- Богатство! - сказал он. - Такое богатство! Эй, Черала, эй! Сколько мечей можно сделать из этого? Сколько плугов для грязи? Черала не слушала. Раздался странный звук, который привлёк её внимание, почти затерявшийся под шумом, когда Одиф пробирался сквозь разбросанный металл: высокий перезвон, чистый, самый чистый звук, который она когда-либо слышала. Он заворожил её, и она направилась к нему.

- Черала! - крикнул Одиф, но она его не слушала, и он, бормоча что-то, вернулся к своему сокровищу.

Она захромала вперёд и не успела опомниться, как оказалась в полумиле от своего друга. Шум стал скорее не громче, а отчётливее, звонкой мелодией перезвона, которая не была совсем музыкой - она была слишком случайной для этого, - но всё же *почти* была.

Потом она увидела огни.

Ряды божьих ящиков, или тейнеров, или кем бы они ни были на самом деле, закончились. Впереди открылось широкое пространство, обозначенное кругами, поднятыми над землёй на металлических столбах. Яркое розово-голубое свечение мерцало и вращалось над одним из них, и ей показалось, что она видит двигавшихся в небе танцоров. Увитые лозами ступени вели к кругу, и, не раздумывая, она поднялась по ним, очарованная светом и музыкой.

Когда она добралась до вершины, то обнаружила, что круг покрыт переплетёнными лианами, всё усеяно какими-то узлами и грибами. Они казались апатичными в своём росте, толстыми и вялыми. Они наполовину поглотили другую машину, ожидавшую там, большую штуку, похожую на жирную птицу с разбитыми окнами спереди. Источник света и шума исходил из-за неё.

- Космический кабель, - сказала она, узнав это из другой дедулиной истории о летательном аппарате, который спустил с неба божьи ящики. Она обошла его и ахнула.

В центре круга всё превратилось в чистый кристалл: корни, растения, металл и всё остальное. Отсюда и исходило сияние. Кристалл разрастался во все стороны, очень медленно, но с каждым дюймом, который он набирал, всё больше его окружение превращалось в такую же прозрачную стеклянную субстанцию. Воздух был сухим, и дул прохладный ветер, принося с собой ароматы, которые Черала могла описать только словом "чистый". Наблюдая за происходящим, она заметила, что колокольчики звучали, когда корень или поганка трансформировались, кристалл двигался или сжимался и воспроизводил мелодичные звуки. Свет становился ярче, переходя от золотого к зелёному и обратно к розовому. Она вскрикнула от восторга. Она никогда не видела такой красоты. Её поразила мысль, пришедшая откуда-то извне. Та говорила с ней и объясняла, что до сих пор она действительно не знала, что такое красота, думая, что уродство и болезнь - самые прекрасные вещи, когда сейчас перед ней открылась истинная красота, чистая, прекрасная и постоянно меняющаяся.

Огни стали ярче, плотными и медленными, сливаясь в сияющих птиц, которые вырвались из света и полетели во все стороны. У них было сиявшее оперение, и они были свободны от всех болезней. Их голоса создавали прекраснейшую музыку, которая сливалась с перезвоном кристаллов. Светившиеся шары вырвались из сияния и заплясали вокруг, роняя золотые капли. Там, где они падали на землю, появлялись и росли новые кристаллы, в то время как музыка звучала всё громче, а свет сиял всё ярче, достигая болезненных облаков и наполняя их новым великолепием.

На мгновение она почувствовала себя счастливой. Только на мгновение.

Свет запульсировал. Внутри двигалась какая-то фигура. У неё были руки и ноги, как у человека, но вместо головы была ухмылявшаяся луна, такая ярко-жёлтая, что она не могла на неё смотреть. Существо вышло из света и начало прыгать, размахивая хрустальным посохом, с которого свисало ещё больше кристаллов. Бормоча что-то на каком-то непонятном языке, оно выпустило разряды шипящей магии, которые ударили по земле повсюду, в том числе и в космический кабель, превратив его металлическую шкуру и душившие его загубленные растения в одну гигантскую сверкающую скульптуру. Ей не понравился ни незнакомец, ни его посох, но она обнаружила, что не может уйти, застыв на месте от его прыжков. Свет стал резким. Существо заметило её, и его ухмылка стала ещё шире. Оно не сказала ни слова, но опустило посох. Тот вспыхнул.

Она едва почувствовала, как магия коснулась её. Затем она попыталась пошевелиться, но не смогла, а когда посмотрела вниз, то увидела, что её ноги превратились в кристалл, который полз вверх с чувством невыносимой тесноты. Её новая стеклянная кожа вибрировала от энергии перемен.

Из света появились стаи кричащих существ, которые медленно размахивали крыльями, и они были не так красивы. Покачивавшиеся сферы коснулись платформ и земли за ними, а затем взорвались с приглушёнными вздохами, и из них появились долгоязыые твари ярко-розового цвета, которые с хихиканьем запрыгали на деревья. Они шумели и кричали, бросая разноцветные огни с ладоней и поджигая мокрые деревья.

Последним, что она видела, стал отвратительный гигант: покрытый струпьями, пахнущий пылью и с птичьей головой длиной с человеческое тело. Он вынырнул из света и расправил крылья, усеянные безумно вращавшимися глазами.

Кристалл закрыл её лицо, затем макушку, и всё же она по-прежнему могла видеть.

Её душа кричала об освобождении из этой тюрьмы. Когда её разум погрузился во фрактальное безумие, быстрые демонические звери галопом понеслись из растущего разлома. К тому времени Одиф увидел, что происходит на старых посадочных площадках, и попытался убежать, в ужасе разбрасывая свои находки. Он не сумел уйти далеко, был разорван на куски и джунгли выпили его жидкую кровь. Хрустальные наросты росли всё быстрее и быстрее, и ещё больше демонов Тзинча хлынули на Ноксию.

Боги сражались.

Война в Разломе началась.

Четвёртая глава

ПЕРВЫЙ В МИЛОСТИ НУРГЛА

В горариуме Мортариона все часы остановились. Демонический примарх Гвардии Смерти был окутан чёрными нитями, которые проникали сквозь его кожу и глаза. Благодаря тёмному чуду *Mycota Profundis*, он общался со своим отдалившимся генетическим сыном, Тифом, и примарху не нравилось то, что он слышал.

- Я не могу прийти на Иакс, Мортарион, у меня есть приказы от высшей силы, - говорил Тиф. - Первая, Третья и Четвертая чумные роты со мной. Мы возвращаемся в звёзды Бедствия.

Замогильный голос Тифа исходил из идеального воссоздания его плеч и головы, живого бюста, представленного в поперечном сечении, словно анатомический образец вивисекции. Трубки и органы двигались под слоями костей, жира и брони. Рана, нанесённая Тифу братьями-ведьмами Императора, по-прежнему беспокоила его, спустя месяцы после битвы за Галатан. В его теле появились новые почерневшие участки, которые даже регенеративные способности Нургла пока никак не могли заменить. Клинок капитана Града глубоко вонзился в него. Постоянное гудение роя разрушения, который использовал его тело в качестве носителя, стало приглушенным.

- **Ты ранен. В тебе говорит страх,** - произнёс Мортарион. Удовольствие, которое испытывал примарх от неудачи сына, передалось между ними вместе с его словами, и Тиф вскинул голову.

- Страх не имеет ничего общего с этим, мой генетический отец, - ответил Тиф. - Я - смертный герольд Нургла. Наш бог повелел мне вернуться. Я должен идти, и ты тоже должен. В этот самый момент твои материальные активы подвергаются нападению. Великая война между богами началась.

- **Нет!** - сказал Мортарион. - **Я не откажусь от своей кампании. Мы уже близко. Жиллиман умрёт от моей руки, и его королевство станет нашим. Не три мира, посвящённые порчи, а сотни! Миллиарды душ созрели для сбора урожая. Скоро придёт мой брат. Ловушка расставлена. Я поймаю его.**

- Послушай меня, Мортарион, - терпеливо сказал Тиф, ещё больше разозлив примарха. - Ты должен прислушаться к новостям. Я пришёл к тебе не как твой сын или твой первый капитан, а как герольд Дедушки Нургла. Ты должен вернуться. Это не просьба. Ему нет дела до твоей вражды с братом.

Перемены нарушают цикл смерти и возрождения. Это настоящая война. Отложи в сторону своё мелкое соперничество, тебе повелел это сделать твой бог.

- **Как ты смеешь**, - сказал Мортарион. - **Как ты смеешь так обращаться со мной, словно я ребёнок, которого нужно отругать.**

- Я исполняю свою роль, как повелел наш бог, - сказал Тиф. - С твоей стороны было бы мудро исполнять роль его чемпиона.

- **И где же эта воля, Тиф?** - Выражение лица Мортариона исказилось так сильно, что чёрное кружево мицелии сломалось и снова сформировалось на его лице. - **Нургл лично покинул свой тёмный дом, чтобы рассказать тебе? Я ничего не слышал ни от стража поместья, ни от нечистого, ни от любого другого из его князей, значит он ничего не велит мне. Я отказываюсь в очередной раз поддаваться твоим манипуляциям.**

- Он по-своему сообщает мне свою волю, отец, - сказал Тиф. - Есть предзнаменования, есть побуждения. Мне были ниспосланы видения, мне были даны знамения.

- **Даже не посещение?** - усмехнулся Мортарион. - **В таком случае я должен немедленно отказаться от своей победы**, - саркастически добавил он.

- Не было бы необходимости в герольде, милорд, если ты прислушался бы к варпу, то тоже услышал бы, - спокойно сказал Тиф. - Я поднимаюсь в его милости. Воля верна и обязательная. Уходи сейчас же.

- **Я и так достаточно занят здесь**, - огрызнулся Мортарион. - **Пошёл вон. Я сын его самого могущественного врага и один из его главных слуг. Если он хочет повелевать мной, то может сделать это лично.**

- Отец, ты сам это сказал, ты - слуга. Не забывай об этом. Ты примарх, но служишь богу. Я предупреждаю тебя. Существует иерархия. Дедушка не является лично. Он - это всё. Он повсюду. Он поймёт, что ты бросаешь ему вызов. Это самая чёткая команда, которую ты получишь. Рассматривай мои слова как предупреждение.

- **Я не подчиняюсь твоим приказам, первый капитан.** - Мортарион взмахнул крыльями, разнося вокруг зловонные испарения горариума. - **Ты всем обязан мне.**

- Ты всё перевернул с ног на голову, милорд. Это я привёл тебя к твоему нынешнему положению. Ещё раз повторяю, я выполняю свои обязанности посланника в твоих интересах.

- **Ты - змей, Тиф. Ты всегда был им. Ты всегда будешь.**

- Да будет так, - сказал Тиф. - Ты переоцениваешь свою ценность. Твоё высокомерие ослепляет тебя. Ты бросил вызов воле Нургла, чтобы развязать эту войну, и ты снова бросаешь ей вызов, чтобы остаться. Нургл - снисходительный дедушка. Он наслаждается делами своих детей, какими бы своенравными те ни были, но у него есть пределы. Ты быстро приближаешься к ним. Если ты нарушишь их, будет только один исход, Мортарион. Дедушка будет недоволен. Самая сильная ярость исходит от самых добродушных. Не заставляй его...

Мортарион издал яростное шипение. Из респиратора на его лице повалил зелёный и фиолетовый дым. Он взмахнул Тишиной, своей огромной косой, разрезая стебель гриба, на котором был воссоздан Тиф. Тиф зарычал, когда фантомная боль потянулась к нему через варп, и изображение рухнуло, уже

растворяясь. Он ударился о землю в брызгах чёрной материи и исчез.

Споры мицелия, из которых состояла *Mycota Profundis*, сморщились. Мортарион вырвался из их объятий прежде, чем они полностью разложились, заставив питаемый варпом гриб заговорить человеческим голосом.

- ***Я - Мортарион, лорд Гвардии Смерти! Несущий чуму, могущественный, неукротимый,*** - сказал он. В стеклянной тюрьме на больших центральных часах душа его приёмного отца-ксеноса в ужасе заметалась по кругу. - ***Никто не повелевает мной!***

Гнев Мортариона проявился как взрыв психической энергии, которая вырвалась из него и прошла через тысячи часов. Как только он коснулся их, они пришли в движение и начался перезвон. Разбитое время гремело вокруг горариума.

- ***Никто,*** - повторил он. - ***Ты слышишь меня? Никто!***

Непокорность Мортариона не осталась незамеченной.

В доме, огромном, как вечность, в саду отвратительной плодородности, что-то чудовищное зашевелилось. Глаз, способный охватить целую вселенную, неподвижно закатился в глазнице, и его взгляд упал на Ультрамар.

Ку'гат помешивал в котле, когда началась буря. Он посмотрел на небо, где пурпурно-зелёные облака заслоняли солнце. В них играли молнии болезненного цвета, а когда они вспыхивали, то издавали звук, похожий на треск ломающихся гнилых веток.

- ***Дождь собирается,*** - печально сказал он. Он не любил дождь. Тот напоминал ему о его сопернике, Гнилиусе. Он повернулся, чтобы сказать это Септику, но его помощник исчез, убитый Робаутом Жиллиманом. Не просто изгнание, а истинная смерть, его существование выжгли из реальности. Демоны находились вне времени, и настанет день, когда они снова встретятся. Однако эти мгновения уже прошли, и, хотя они будут свежи для Ку'гата, больше ничего не произойдёт. Септик был мёртв.

Всем было грустно. Нурглинги, подкармливавшие пламя влажными дровами, угрюмо выполняли свою работу. Они не пели и не кричали. Их молчание вполне устроило бы Ку'гата, если бы не напоминало ему о его потере. Чумоносцы очень сдержанно выкрикивали свои подсчёты. После эпох исключительных страданий у Ку'гата, наконец, появились спутники, которые чувствовали то же самое, и ему это ни капельки не нравилось.

- ***Я даже скучаю по его дудкам,*** - простонал повелитель чумы. Медленная, жирная, сальная слеза скатилась по его щеке. Его свободный глаз последовал за ней и исчез с хлопком в котле.

- ***Чтоб вас всех,*** - пробормотал он. Над головой прогремел гром. Он снова посмотрел вверх. - ***А теперь пойдёт дождь и разбавит мои зелья! О, беспокойство, беспокойство!***

Он опустил руку в жидкость, ища свой глаз.

Котёл Нургла был полон до краёв, зелье внутри было ярко-зелёного цвета. Его сияние осветило гниющее лицо Ку'гата. Молния дразнила озорным сиянием, сделав Ку'гата на мгновение похожим на статую,

отлитую в чёрно-белых тонах.

Ку'гат пошарил вокруг, просовывая руку всё глубже и глубже. Смесь была мощной, даже опасной, и содрала его неземную плоть с руки, когда он крутил её круг за кругом. Но он напрягся, черпая немного больше энергии из варпа, переделывая свою плоть так же быстро, как она таяла. Он наслаждался болью. Она жгла и щекотала самым изумительным образом.

- **Где он? Где он?** - пробормотал он. - **Мне нужен глаз, чтобы... что?**

Его рука схватила что-то твёрдое, что-то шиповатое. Он потянул. Оно не двигалось.

- **Что это?** - зарычал он, а затем взревел: - **Что это?!**

Он потянул и подался назад; его живот ударился о котёл, заставив тот раскачиваться на коротких ножках. Потоки густой слизи перелились через край и нурглинги закричали. Их крошечное паническое бегство не привлекло его внимания, но они сотнями погибли под когтистыми лапами своих собратьев. От огня повалил пар. Запах, который он издавал, был действительно отвратительным, но Ку'гат был слишком возмущён, чтобы наслаждаться им.

- **Что-то в моём рагу! Что-то в моём горшке!** - взревел он. - **Вон, вон, чужой ингредиент!**

Он дёрнул. Что бы это ни было, оно не двигалось. Он дёрнул сильнее, а затем произошло движение. Слишком много движения. Ку'гат упал. Он отпустил предмет, разбрызгивая эликсир, и опрокинулся назад, окончательно разрушив изрядную часть развалин больницы, и приземлился на свой губчатый зад в поднимающемся облаке пыли, и влажные обломки стали его сиденьем.

Предмет поднялся. Он вынырнул на поверхность и оказался оленьим рогом. За ним последовал грязный капюшон, затем злые глаза, нос и рот, изогнутые вверх в высокомерной улыбке. Бородавчатая рука хлопнула по боку котла и подтянулась, так что из варева показались плечи.

Из ядов, которые так тщательно состряпал Ку'гат, вырос ещё один великий нечистый, и этого товарища Ку'гат знал слишком хорошо.

- **Гнилиус Дождевой Отец, второй в милости Нургла,** - ахнул он.

Гнилиус поднялся из глубин, выплёскивая драгоценную жидкость мутными волнами.

- **Нет! Нет! Стой!** - закричал Ку'гат. Он заставил себя подняться на ноги, спотыкаясь о собственные обвисшие складки жира, когда мчался обратно к своей смеси. Его когти рвали его собственные внутренности, но он был слишком зол, чтобы заметить это. - **Дедушка одолжил мне этот котёл! Я им пользуюсь, а не ты!**

Гнилиус закашлялся, и драгоценный эликсир Ку'гата вылился у него изо рта. Он попытался заговорить, но булькнул, затем откашлялся и выплюнул ком личинок и слизи, прочищая горло.

Дождь лил всё сильнее и сильнее.

Он кашлял снова и снова, извергая смесь. Наконец прогорклое содержимое его рта оказалось в рагу, и он улыбнулся ещё шире, а затем заговорил.

- **Какая приятная встреча, мой гнойный родич.** - Он протянул руку. На ладони сверкал блестящий врацавший шар. - **Ты уронил глаз.**

Ку'гат выхватил глаз и вернул его на место:

- **Ничего приятного в этой встрече нет. А теперь вылезай из моего котла.**

- **Ах, ах, ах!** - предостерег Гнилиус. - **Не твоего котла, гниющий братец, а Дедушкиного котла.**

- **Он дал мне его в пользование!** - огрызнулся Ку'гат.

- **Ну, он позволил мне появиться из него. Что ты на это скажешь?** - ухмыльнулся Гнилиус, затем опустил палец в смесь и начисто её высосал. - **Очень отвратительно, очень заразно. Что это такое?**

- **Не твоё дело, грязная лужа,** - прорычал Ку'гат.

- **Это и есть болезнь, не так ли? Вот чем ты и приёмный сын намерены убить Жиллимана.** - Он попробовал ещё раз. - **Остренькая,** - добавил он.

У Ку'гата мозги вскипели до такой степени, что из ушей и рта повалил пар:

- **Убирайся оттуда! Ты её испортишь!**

- **Сделаю лучше, ты хотел сказать,** - ответил Гнилиус. Он откинулся в котле и вздохнул. - **Отдам тебе должное, она действительно бодрит.**

- **Бодрит?** - произнёс Ку'гат. Он взял свой черпак и крепко сжал его, словно это была алебарда или копье, а не алхимический инструмент. - **Сядь в неё и умри. Выпей её и умри. Это самая сильная болезнь, которую когда-либо придумали!**

- **В самом деле?** - Гнилиус набрал полный рот этой дряни и выплюнул её высоко вверх маленьким зелёным фонтаном. Личинки, которые постоянно падали у него изо рта, плескались высоко в струйках.

- **Это - Божья болезнь. Она убьёт примарха. Она убила бы любого из маленьких игрушечных человечков Анафемы. Был один, враг всех, кто мечтал о подобном, давным-давно. Я закончу то, что у него не хватило ума выпустить на волю. Моя лучше. Изящнее. И лучше всего то, что именно я выпущу её.**

- **Прелестно,** - сказал Гнилиус. - **Она убьёт Мортариона?**

- **Да, она убьёт Мортариона. Она убьёт его насмерть!** - возмущённо воскликнул Ку'гат. - **Эта болезнь разлагает тело и душу, внутри и снаружи! Ничто не имунно к ней. Ты умрёшь! Не просто короткой смертью изгнания, но настоящей смертью! Твоя сущность будет разведена, твоя эссенция станет праздником душевных бацилл. Ты накормишь следующее поколение духовной оспы и станешь самым изобилием. Но Гнилиуса Дождливого Отца больше не будет,** - злорадствовал Ку'гат. - **Мёртв!** - добавил он для пущей убедительности.

- **Ах, мёртв. Но умру ли я? Правда?** - спросил Гнилиус. Он свесил дряблые руки по бокам котла, как будто находился в освежающей ванне. Его кожа зашипела на горячем железе, но это, похоже, не доставляло ему особых неудобств, и окаймлявшие левую руку щупальца двигались с ленивым удовольствием, а рот на запястье над ними лакал зелье. - **Дело в том, Ку'гат, старый приятель...** - Теперь он ухмыльнулся, широко, жёлто и ужасно. - **Я ведь очень даже живой, не так ли? На самом деле, я чувствую себя посвежевшим!**

Ку'гат несколько стусеивался и беспокоино сжал черпак.

- *Она ещё не закончена*, - сказал он. - *Но она...*

- *Да, да, да*, - перебил Гнилиус. - *Я уверен, что она сделает всё это. Она убьёт примарха, она убьёт меня, но прямо сейчас, ну что же*. - Он пошлёпал рукой. - *Прямо сейчас этого не будет, не так ли? Прямо сейчас я сижу в ней, и я по-прежнему жив, не так ли?*

- *Но...*

- *Вот почему я здесь*. - Он ухмыльнулся. - *У тебя заканчивается время. Изменяющийся сделал свой ход на территории Дедушки. На клумбах будут драки. Война в оранжереях проклятых. Это начинается прямо сейчас, в звёздах Бедствия*.

Ку'гат был совершенно сбит с толку:

- *Но договоры! Зачем...*

Гнилиус откинул голову на железный край котла:

- *Ку'гат, позволь мне быть с тобой откровенным. Я понимаю, почему Дедушка Нургл любит тебя больше всех нас, остальных. Ты очень очаровательный в своём ворчании. Ты ему нравишься. Ты мне нравишься! Возможно, ты этого не знаешь, потому что ты - старый зануда и, вероятно, думаешь, что все тебя ненавидят, потому что ты ужасно эгоцентричен. "Все всё время думают обо мне, все меня ненавидят"*. - Гнилиус передразнил голос Ку'гата и театрально закатил глаза. - *Но это никого не волнует. Они не думают о тебе, а когда думают, ты им нравишься*. - Он хлопнул себя по груди мокрой рукой величиной с человека. - *Однако ты немного наивен. Война богов никогда не заканчивается. Договоры, заключённые между братьями, непостоянны, они никогда не будут выполняться. Я уверен, что впереди нас ждёт ещё одно соглашение, но сейчас у нас новая война. Ты знаешь это, я знаю это*. - Он ухмыльнулся. - *Мы все это знаем! Они двигаются. Легионы Кхорна и Тзинча объединились. Они завидуют достижениям Дедушки и работают над тем, чтобы отобрать у нас звёзды Бедствия. Лично я виню Мортариона. Неправильно позволять смертным играть в великую игру, даже таким, как он*.

- *Что?*

- *Ты слышал*, - ответил Гнилиус. - *На твоём месте я бы немного изменил приоритеты. Дедушка не будет доброжелательно смотреть на тех, кто не готов ответить на его зов. Ты знаешь, таких демонов, которые, так сказать, занимаются своими делами. Такими вещами, как это*. - Он многозначительно посмотрел в свою ванну. Затем слегка скосил глаза. Кишечные газы запузырились из него, лопааясь большими коричневыми пузырями на поверхности. - *А, так-то лучше*.

- *Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что я должен уйти?* - спросил Ку'гат.

Гнилиус зачерпнул пригоршню жидкости, вылил её на свои щупальца и пожал плечами.

- *Но, но это катастрофа!* - воскликнул Ку'гат. - *Моя чума почти готова! Я... я... я создал нечто особенное, нечто восхитительное, что убьёт сына Анафемы, дух и тело. Она так же хороша, как чума, которая создала меня. Даже лучше!*

- **Ах, это никого не волнует,** - сказал Гнилиус и окунул пальцы в ванну. - **Сын Анафемы,** - усмехнулся он. - **О, пожалуйста, заткнись. Кто он такой? Один человек? Один фальшивый полубог? Это игра настоящих богов! Эта реальность обречена, Ку'гат. Со смертными здесь покончено. В конце концов, они всегда проигрывают, а эта кучка уже проиграла, они просто ещё не видят этого. Боги сражаются за добычу, прежде чем начнётся следующее разложение. Новые царства ждут.** - Он хитро посмотрел на Ку'гата. - **Конечно, это делает даже тебя счастливым, несчастный?**

Ку'гат выпятил обвисшую грудь:

- **Я работаю во имя целей Дедушки. Весь наш план здесь состоит в том, чтобы принести эти отвратительно чистые миры в сад и возделывать их как новые грядки гнили и славы. Я...**

Гнилиус снова перебил его:

- **Не лги себе, ты следуешь плану Мортариона, потому что хочешь, чтобы Дедушка простил тебя за то, как ты родился. На самом деле ты просто позволил втянуть себя в одержимость смертным.**

- **Он демон!**

- **Пфф,** - пренебрежительно сказал Гнилиус. - **Только наполовину. Ты упускаешь из виду общую картину. Ты должен быть осторожен. Все чумы нарастают и ослабевают, Ку'гат Чумной Отец. Может быть, твоё время подходит к концу, а моё начинается? Я чувствую себя очень заразным.**

Ку'гат нахмурился:

- **Если ты такой могущественный, почему не предоставишь нам свою силу здесь?**

Гнилиус осмотрел свои ногти, хмуро изучил их, вытащил один, сунул его в рот и захрустел:

- **Я мог бы, я мог бы. Но я занят в других мирах, на других уровнях, в других местах. По отдельности, на самом деле. У меня нет ничего, что я мог бы выделить для этого конфликта. Кроме того, с чего бы мне хотеть украсть твой гром?**

- **Тогда зачем ты здесь, если ты так занят, дорогой Гнилиус?** - сказал Ку'гат с широкой и неискренней улыбкой. - **Лучше бы тебе уйти и не угрождать себя нашей маленькой войной.**

- **О, в этом нет ничего трудного!** - сказал Гнилиус. - **Я всегда рад выкроить время для первого в милости Нургла. Хотя тебе лучше работать усерднее, если ты хочешь сохранить своё положение.** - Он предостерегающе погрозил пальцем. - **Всё растёт и умирает, Ку'гат. Репутация тоже, и любовь Дедушки. Я - второй в его милости. Как долго ты ещё будешь оставаться первым? Никогда нельзя знать наперёд, может, я получу повышение.**

Небо заурчало, как страдающий диспепсией кишечник. Крупные капли дождя шлёпнулись в котёл.

- **Дождь, да?** - с усмешкой сказал Гнилиус. - **Я думал, что это моя визитная карточка. Воистину говорят, что подражание - самая искренняя форма лестии.** - Гнилиус посмотрел на вонючую болотистую местность. - **Полагаю, я действительно должен чувствовать себя очень польщённым.** - Он подмигнул. - **До скорой встречи, о Ку'гат, пока первый в его милости.**

С этими словами Гнилиус погрузился под воду. В котле поднялись и лопнули жирные пузыри. Ку'гат сунул руку в мешанину и огляделся в поисках своего соперника, но Гнилиус уже исчез.

- *Лесть*, - сказал Ку'гат. - *Неужели!* - Его настроение ещё больше ухудшилось, когда он на всякий случай лизнул руку и обнаружил, что Гнилиус был прав: оспа была лучше.

Ворча о несправедливостях жизни, Ку'гат Чумной Отец взял черпак и снова начал помешивать. Сначала его усилия были быстрыми, движимыми раздражением, но когда он разошёлся, он подумал и, подумав, замедлился.

- *Хмм*, - сказал он себе. - *Интересно, знает ли Мортарион? Конечно, он должен знать, как же иначе.*

Он не хотел говорить с примархом, но они были союзниками, и он понял, что не может поверить, что тот знает.

- *О, беспокойство*, - сказал он и неохотно пощекотал грибковое заражение на бедре, которое вызывало *Mycota Profundis*.

Некоторое время спустя он посоветался с бывшим смертным, приёмным сыном, проклятым Мортарионом, и обнаружил, что тому всё известно о вторжении, и что ему очень неприятно всё это. Но новость, которую услышал Ку'гат, сделала всё ещё хуже.

Тиф, свирепый помощник Мортариона, оставил их войну и покидал Ультрамар.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тёмный_Империиум:_Божья_болезнь_/__Dark_Imperium:_Godblight_\(roman\)&oldid=17409](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тёмный_Империиум:_Божья_болезнь_/__Dark_Imperium:_Godblight_(roman)&oldid=17409)

Эта страница в последний раз была отредактирована 21 июля 2021 в 02:52.